

8 МАИ 1935!

АССАМБЛЕЯ МИРА

Г. УЛАНОВА,
народная артистка СССР

Никогда не была я в Финляндии. Но в эти дни, подобно многим и многим людям на земле, мне кажется, что я дышу ее воздухом, вижу небо Хельсинки, слышу разноязычный говор делегатов Ассамблеи мира, и иногда у радиоприемника наступает такое мгновенное ощущение, когда начинает казаться, будто ты знаешь все земные наречия, видишь горячий блеск глаз посланцев разных стран и народов, слышишь их жаркие речи и явственно, на всех языках различаешь одно слово, один простой, всем одинаково понятный, святой призыв — «За мир!».

Никогда не была я в Финляндии. Но разве дело в том, где происходит Ассамблея мира! Она могла бы собраться в любом месте земного шара, и все равно — люди со всего света съехались бы туда, а тот, кто не смог бы приехать сам, если бьется в нем честное сердце, если любит он труд, солнце, детей, — был бы, хотя бы мысленно, вместе с этими людьми, призванными от имени всех стран и народов: выразить свою непоколебимую верность идеям мира.

Эти идеи святы для нас потому, что вне мира нет для нас жизни, нет творчества. А для какого артиста понятия жизни и творчества не слитны, не адекватны, не одно и то же? Лишите художника (да что художника! — любого человека, всю жизнь прослужившего одному делу, любящего его и понимающего, что дело это нужно не ему одному, а всем людям...) привычного и любимого дела — и он зачахнет. Но ведь война наверняка лишит нас возможности заниматься привычным и любимым делом: те разрушительные силы, которые собираются привести в движение защитники новой войны, могут уничтожить многие великие произведения искусства и культуры, созданные трудом и гением человечества.

Но разве можно допустить их уничтожение? Конечно, нет, тысячу раз нет! И я, не знаящая политических убеждений многих и многих моих зарубежных коллег, беру на себя смелость утверждать, что и они не хотят уничтожения искусства. Разве нужно быть коммунистом, чтобы хотеть видеть картины Рафаэля, Репина и Гогэна? Разве не дороги всем любителям музыки Глюк, Глинка и Равель? Разве стихи Данте, Пушкина и Верлена следует сжечь? И кто согласится, чтобы возвышенное и чистое искусство балета, вместо того чтобы стать достоянием миллионов, умерло на развалинах лучших сцен мира?

Конечно, я пристрастна к своему искусству хореографии. И было бы противосто-

прима-балерина «Ковент Гарден» Маргот Фонтен или танцовщики другого лондонского театра «Седлерс Уэллс» — Дэвид Гилл и Ивонн

Бартье менее к нему привержены и более спокойно отнеслись бы к тому, что родной дом их творчества будет разрушен атомной бомбой?

Мне не довелось лично познакомиться с господой Д'Арсонваль из «Гранд опера» и господином Рубин из театра «Елисейские поля» в Париже. Они не могут не знать, кстати, что помешала этому знакомству злая воля правителей Франции, которые вряд ли по случайному совпадению отдавали свой голос войне... Но сейчас — я не о том. Сейчас я берусь утверждать, что знаменитым деятелям французской хореографии война нужна так же мало, как и английским, русским или финским артистам...

Мне не забыть маленький балет «Ромео и Джульетта» на музыку Чайковского, показанный в Италии французами. Я могу спорить с их интерпретацией бессмертных мелодий нашего композитора и столь же бессмертных образов Шекспира. У нас балет этого названия совсем иной не только потому, что большой балет Сергея Прокофьева столь отличен от симфонического создания Чайковского, но и потому, что наши эстетические убеждения, очевидно, отличны от творческих принципов Жана Бабиле, Жаклины Моро и Натали Филиппар... Мы спорим нашими сценическими созданиями, никому не навязывая своих принципов и вкусов. Но я думаю, что для всех нас одинаково бесспорно, что только мир может обеспечить условия, в которых наше искусство будет развиваться и при которых каждый из нас сможет свободно отстаивать свои убеждения, ибо убеждения артиста только тогда имеют цену, когда они находят свою материализацию в живом спектакле.

Что будет с великим талантом итальянских киноартистов, французских художников, английских музыкантов, если на Европу начнут падать атомные бомбы? И ведь не о спасении одного или нескольких индивидуальностей идет речь. Разговор идет о спасении культуры, о продлении жизни Красоты.

Пусть же выступит на ее защиту всякий художник, всякий артист, каждый музыкант и каждая балерина. Пусть никто не останется в стороне от борьбы за мир. И пусть наши голоса сольются с голосами тех, кто соберется в Хельсинки и кто сегодня говорит войне «Нет!», кто говорит «Да!» Жизни, весне, свободному творчеству людей искусства всего мира.